

Тхамокова Ирина Хасановна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК НАЛЬЧИКА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования этносоциальной структуры населения слободы Нальчик по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Среди жителей Нальчика больше всего было русских, горских евреев и украинцев, значительно меньше – представителей других этнических групп, в том числе кабардинцев и балкарцев. Сделан вывод, что в Нальчике сочетались признаки городского и сельского поселения. Значительную часть жителей составляли земледельцы, но наряду с ними было много ремесленников и торговцев. Нальчик был не только административным, но и ремесленно-торговым центром округа. Материалы переписи позволили сопоставить структуру занятости основных народов, представленных в Нальчике, и выявить их отличительные особенности. В частности, обнаружена национальная специфика в гендерной структуре занятости.

Ключевые слова:

Нальчик, слобода, перепись населения 1897 г., родной язык, этническая группа, занятия, земледелие, торговля, ремесла.

Tkhamokova Irina Khasanovna

PhD in History, Senior Research Fellow, Ethnology and Ethnography Sector, Institute for the Humanities Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ETHNIC AND SOCIAL IMAGE OF NALCHIK BASED ON THE RUSSIAN IMPERIAL CENSUS OF 1897

Summary:

The paper presented the research findings concerning the ethnic and social structure of the population in Nalchik settlement based on the Russian Imperial Census of 1897. The Russians, Mountain Jews and Ukrainians made up the majority of the population in Nalchik. There were not so many other ethnic groups, including the Kabardins and Balkars, in this settlement. Nalchik bore the hallmark of both urban and rural settlement. There were a lot of farmers, craftsmen and merchants as well. Nalchik was not only administrative but also trade and handicraft center of the district. The Census made it possible to identify the employment structure of most peoples lived in Nalchik and distinguish their specific features. In particular, the national specific nature was detected in the gender structure of employment.

Keywords:

Nalchik, settlement, Russian Imperial Census of 1897, native language, ethnic group, occupation, agriculture, trade, crafts.

Актуальность исследования социально-экономической и социально-этнической эволюции российского общества в конце XIX в. обусловлена тем, что именно в тот период складывались предпосылки многих событий XX в. В последние годы было издано несколько научных работ по проблемам социально-экономического и этнокультурного развития Нальчика [1], однако специальное исследование этносоциальной ситуации не проводилось. Основным источником ее изучения является перепись населения 1897 г. В ходе ее проведения опрашиваемым задавались вопросы о родном языке, месте рождения и занятиях, что позволило получить информацию о национальном составе населения и выявить некоторые особенности социальной структуры каждого из народов, проживавших в Нальчике.

Еще в 1874 г. Международный конгресс статистики признал язык наиболее простым и надежным признаком для учета национальностей [2, р. 129]. Перепись населения 1897 г., таким образом, проводилась в соответствии с международной практикой того времени. При этом работники Центрального статистического комитета России понимали, что «язык и национальность суть два понятия, которые далеко не всегда и не всюду покрывают друг друга», а также что «выражение “родной язык” не отличается особой определенностью» [3, с. 997–998]. Тем не менее они считали, что можно получить более точные ответы, если задавать вопрос о родном языке, а не о национальности, так как «язык является признаком вполне объективным и реальным, чего нельзя сказать про национальность» [4, с. 999]. При всех возможных неточностях и ошибках перепись населения 1897 г. является важным источником для изучения социальной и этнической ситуации того времени.

Материалы переписи показывают сложный этнический состав населения Нальчика в конце XIX в. Родными языками жителей слободы являлись [5, с. 58–61]: «великорусский» – 2679 чел., «еврейский» – 1058, «малорусский» – 472, немецкий – 117, «татарский» – 72, армянский – 65, кабардинский – 63, грузинский – 55, польский – 51, «кумыкский» – 50, осетинский – 37, персидский – 23, другие – 67 чел.

Самую крупную группу жителей Нальчикской слободы составляли русские («великороссы»). Их было 2679 чел., или 55,7 % всего населения. Русские жили в Нальчике с 1822 г., когда здесь была построена крепость [6]. Позднее появилось военное поселение, жителями которого стали «нижние чины» Кабардинского егерского полка, а также те, «кои сами пожелали» вступить в это сословие. Первоначально их было вместе с членами их семей всего 82 чел. Они были уроженцами самых разных губерний [7]. В 1862 г. форштадт крепости был преобразован в Нальчикскую слободу, в которой в 1864 г. проживали 608 чел., в 1872 г. – 1114 и в 1884 г. – 1635 чел. (не считая жителей горско-еврейского поселка). Кроме отставных солдат, это были также мещане, крестьяне, дворяне, купцы, духовенство и «лица податного сословия, не имеющие оседлости» [8].

В конце XIX в. численность населения Нальчика быстро увеличивалась за счет переселенцев из других мест. Согласно переписи населения 1897 г., 1513 жителей Нальчика (31,5 %) родились за пределами Терской области [9, с. 2]. Значительную часть из них составляли уроженцы соседних регионов: Ставропольской губернии (103 чел.), Кубанской области (25) и области войска Донского (152). Много было также переселенцев из черноземных и поволжских губерний: Воронежской (220 чел.), Пензенской (87), Курской (73), Орловской (61), Саратовской (53), Тамбовской (49), Самарской (38), Астраханской (24). Очевидно, в большинстве своем это были русские. Меньше в Нальчике было выходцев из тех губерний, в которых большинство населения составляли украинцы («малороссы»): из Полтавской – 93, из Харьковской – 72, из других – совсем мало [10, с. 28–30]. Соответственно, и «малороссов» в Нальчике было значительно меньше, чем «великороссов» (472 чел., или 9,8 %).

Второй по численности группой населения Нальчикской слободы являлись горские евреи – 1058 чел., или 22 %. В 1847 г. по разрешению начальника Центра Кавказской линии генерала князя Голицина рядом с крепостью были «поселены горские евреи в числе 150 душ мужского и 95 душ женского пола» [11]. До переселения они проживали в северном Дагестане, в ауле Эндирей (Андреевой деревне). В 1831 г. при нападении Кази-Муллы они бежали оттуда в Малую Кабарду и обосновались в селении князя Бековича-Черкасского. Во время похода Шамиля в Кабарду в 1846 г. горские евреи перебрались в Моздок, а затем, спасаясь от появившейся там чумы, – к Нальчикской крепости.

Во второй половине XIX в. в Нальчике поселилась также небольшая группа европейских евреев. Однако в 1892 г. евреям было запрещено проживать в Кубанской и Терской областях, после чего началось их выселение из слободы Нальчик [12, с. 12–16]. Неизвестно, оставался ли к 1897 г. в Нальчике кто-то из них. Если оставался, то мог быть в ходе переписи причислен к горским евреям, поскольку в материалах переписи эти два народа не разделялись.

Немцев среди жителей Нальчика было сравнительно немного – 117 чел., или 2,4 %. Но рядом со слободой находилась немецкая колония Александровская, появившаяся в середине XIX в., где проживало значительно больше немцев.

Жителями слободы были также армяне, грузины, осетины, иранцы и др., но очень мало кабардинцев – всего 63 чел. Точную численность балкарцев в Нальчике установить невозможно, потому что в материалах переписи населения (как и в других документах того периода) балкарский язык не упоминается, вместо него фигурирует «татарский». Балкарцев тогда называли «горскими татарами». Однако среди жителей Нальчика, которые считали родным языком «татарский», могли быть не только балкарцы, но и казанские или крымские татары. Отделить одних от других по материалам переписи невозможно. В любом случае балкарцев было немного, поскольку «татарский язык» был родным только для 72 жителей Нальчика.

Нальчикская крепость сразу же после своего основания стала административным центром Кабарды. Однако военное командование крепости долгое время относилось к кабардинцам с недоверием. В Нальчике разрешалось жить только тем, кто здесь работал, например в суде. Но и им запрещалось предоставлять ночлег «посторонним кабардинцам» [13, с. 487].

В конце XIX в. Нальчикская слобода оставалась административным и экономическим центром округа. Многие кабардинцы и балкарцы приезжали сюда, чтобы посетить окружные учреждения или суд, побывать на базаре или в лавках, которых в слободе было более 100 [14; 15, с. 190], принять участие в официальных праздниках [16, с. 55]. Однако среди постоянных жителей Нальчика их по-прежнему было мало.

Перепись населения 1897 г. дает возможность установить социальный состав населения Нальчика, особенности социальной структуры различных этнических групп. Из живших в Нальчике великороссов (мужчин) «самостоятельными» (т. е. имевшими собственные доходы и средства к существованию) были 592 чел. Среди них больше всего было земледельцев – 222 чел., или 37,5 %. Значительную по численности группу составляли военнослужащие – 73. Строительно-ремонтными работами занимались 39 чел., обработкой древесины – 26, лесными промыслами – 20, изготовлением одежды – еще 20, извозным промыслом – 13, обработкой металлов – 9,

производством продуктов питания – 7 чел. Некоторые из русских жителей слободы были торговцами – всего 37 чел., или 6,3 %. 29 чел. были прислугой, поденщиками. Другие жили за счет капитала, недвижимости, помощи родственников (17) или за счет средств, получаемых от казны или от частных лиц (23). В администрации, суде и полиции служили 10 чел., столько же были педагогами, 8 чел. – медицинскими работниками. Общественной и сословной службой были заняты 5 чел. Другие занятия встречались реже.

Обращает на себя внимание довольно большая численность «самостоятельных» русских женщин в Нальчике – 146 чел. Почти половина из них – 68 – работала прислугой. Среди женщин прислуги было значительно больше, чем среди мужчин. Если не считать тех, кто жил за счет капитала, недвижимости или родственников (32), из остальных женских занятий самым распространенным было земледелие (24). Женщины также занимались изготовлением одежды, торговлей, две из них были педагогами и одна – медицинским работником. Кроме того, женщины обрабатывали «волокнистые вещества», производили керамику и продукты питания [17, с. 172, 176].

Среди живших в Нальчике «самостоятельных» малороссов (122) тоже больше всего было земледельцев – 42 чел., или 34,4 %. Значительную группу составляла прислуга (19 чел.), некоторые украинцы занимались строительно-ремонтными работами (11), лесными промыслами (10), военной службой (8), изготовлением одежды (6), обработкой металлов (5), производством продуктов питания (3), извозным промыслом (2 чел.) и т. д. Торговцев-«малороссов» было мало – только 3 чел., еще один работал в трактире или гостинице. Двое служили в администрации, суде или полиции, четверо жили за счет доходов с капитала или недвижимости.

«Самостоятельными» были 34 женщины-украинки. Чаще всего они занимались земледелием (17) или были прислугой (11). Женщины-украинки реже служили прислугой, чем мужчины. Только единицы обрабатывали «волокнистые вещества» или шили одежду. Три украинки жили за счет доходов с капитала или недвижимости [18, с. 172, 176].

«Самостоятельных» горских евреев (мужчин) было 184. Самым востребованным занятием среди них тоже было земледелие – более половины из них (99 чел.), согласно материалам переписи, обрабатывали землю. Также была популярна торговля – 57 горских евреев были торговцами (31,0 %). Имели распространение различные виды торговли: не только «торговля вообще, без точного определения» (17 чел.), но и «разносная и развозная» (15), торговля тканями и одеждой (13), кожами и мехами (7), сельскохозяйственными продуктами (3), скотом и т. д. Из ремесел существовали обработка животных продуктов (4), изготовление ювелирных украшений (2), одежды (1 чел.) и др. В администрации, суде или полиции служил один человек, в вооруженных силах – еще двое.

В Нальчике проживали также 10 «самостоятельных» горских евреек. Они занимались торговлей (3), изготовлением одежды (1). Еще одна из них была прислугой, 2 жили за счет капитала, 3 – за счет средств от казны или частных лиц [19, с. 173, 177].

«Самостоятельных» кабардинцев в Нальчике было немного – всего 58 чел., и, видимо, многие из них проживали здесь временно – на них всех, вместе взятых, приходилось только 7 членов их семей (не исключено, что чьи-то семьи остались в аулах). 28 кабардинцев жили за счет средств, получаемых от казны. Возможно, это были отставные офицеры. Военной службой были заняты еще 15 кабардинцев. В администрации, суде и полиции работали 4 чел. Единственным ремеслом кабардинцев в Нальчике была обработка металлов, являвшаяся специальностью 3 чел. Один кабардинец занимался питейной торговлей, двое были земледельцами. По одному человеку работали педагогом, медиком, строителем и почтовым служащим. «Самостоятельных» кабардинок в Нальчике не было [20, с. 175, 179].

На 47 «самостоятельных» поляков-мужчин приходилось только две «самостоятельные» женщины и еще два члена их семей. Очевидно, большинство поляков находилось в Нальчике временно. Это подтверждается и социально-профессиональным составом этой группы, в которой было много военнослужащих (33 чел.). Другие занятия – земледелие (2), животноводство (1), изготовление одежды (4) или обработка металлов (2 чел.) – встречались значительно реже. По одному человеку работали в администрации, суде или полиции [21, с. 172, 176].

Многие «татары» тоже, видимо, жили в Нальчике временно, потому что среди них было 46 «экономически самостоятельных» и только 26 членов их семей. Большинство из «татар» были военнослужащими (25). Три человека работали в администрации, суде или полиции, двое – в общественных организациях, еще двое были педагогами, двое – прислугой, один жил за счет дохода от капиталов, недвижимости или помощи родственников, пятеро получали средства от казны, один был строителем и двое занимались питейной торговлей [22, с. 175, 179].

В Нальчике проживали 40 «самостоятельных» кумыков и только 10 членов их семей. Почти все кумыки были ремесленниками, чаще всего ювелирами (20 чел.), а также занимались изготовлением керамики (10), обработкой металлов (7), пошивом одежды (2 чел.) [23]. Но, возможно, это были не только и не столько кумыки, сколько представители других народов Дагестана. У кумыков отхожие промыслы не имели такого распространения, как у жителей горной части Дагестана.

Одним из центров ювелирного искусства был лакский аул Кумух. Можно предположить, что выходцы оттуда работали в Нальчике, как и во многих городах России и других стран [24, с. 355, 477], и что кумыками они были названы по ошибке.

Осетины, жившие в Нальчике (их было 24 «самостоятельных» и только 13 членов семей), работали в администрации, суде или полиции (5 чел.), служили в армии (4), были педагогами (4) или получали средства от казны (7 чел.). По одному человеку занимались скотоводством, обработкой дерева и торговлей. Еще один был слугой [25, с. 173, 177].

Немцы в Нальчике занимались земледелием (4 чел.), изготовлением одежды (6), продуктов питания (1), обработкой дерева (2) и металлов (3), строительными работами (2), торговлей (1), военной службой (1 чел.).

Армяне Нальчика были ювелирами (8 чел.), портными (5), торговцами (3), педагогами (2 чел.), а также производили продукты питания, жили за счет капитала и средств от казны (по одному человеку).

Грузины в Нальчике занимались земледелием (4 чел.), животноводством (1), лесными промыслами (1), обработкой дерева (1), торговлей (2 чел.).

Из 9 «самостоятельных» иранцев Нальчика шестеро были торговцами, еще один работал в трактире или гостинице, один был строителем и один – слугой.

Слобода Нальчик в конце XIX в. была многонациональным поселением. Наиболее широко были представлены русские («великороссы»), горские евреи и украинцы («малороссы»). Также здесь проживали немцы, армяне, грузины, кумыки, осетины и др., но кабардинцев и балкарцев было сравнительно мало.

По социальной структуре населения слобода Нальчик занимала промежуточное положение между городом и селом. Значительную часть жителей составляли земледельцы, но наряду с ними много было ремесленников и торговцев. Земледелие в тот период сохранялось не только в слободах, но и в городах Северного Кавказа. В Терской области 15,7 % всех жителей городов занимались сельским хозяйством [26, с. XIII]. К концу XIX в. уже создались предпосылки для преобразования слободы Нальчик в город, поскольку она была не только административным, но и ремесленно-торговым центром округа.

Социально-профессиональный состав каждой этнической группы Нальчика имел свои особенности. Если ремесленников-кабардинцев, «татар», осетин было очень мало, то выходцы из Дагестана, напротив, почти все занимались ремеслами. Среди торговцев больше всего было горских евреев. Специальности, связанные со строительством, обработкой древесины, привлекали преимущественно русских и украинцев, а ювелирами были главным образом дагестанские и армянские мастера. Гендерная структура занятости тоже имела национальные особенности. Больше всего «самостоятельных», т. е. имевших собственные источники дохода, женщин было среди русских и украинцев.

Этносоциальные характеристики Нальчика, сложившиеся к концу XIX в., сохранялись на протяжении последующих двух десятилетий. Численность, национальный состав, занятия жителей слободы изменялись медленно. Только преобразование в 1921 г. слободы в город – центр Кабардинской, а затем Кабардино-Балкарской автономной области, а также социальные трансформации того периода положили начало дальнейшему ускоренному развитию.

Ссылки:

1. Дзагов Р.Н. Полиэтническое население Нальчика: опыт экономической адаптации и интеграции (XIX – начало XX в.) // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов : сб. науч. ст. по материалам регион. науч. интернет-конф. Нальчик, 2015. С. 164–174 ; Дзуганов Т.А. Предпринимательские практики Нальчикского округа (конец XIX – начало XX в.) // Вестник КБИГИ. 2017. № 4 (35). С. 44–49 ; Жанситов О.А. Эволюция Нальчикского укрепления: опыт освоения колонизированного пространства // Там же. 2016. № 4 (31). С. 38–44 ; Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52) С. 52–61 ; Соблирова К.Р. Развитие экономики Нальчика в XIX – начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 2. С. 20–24.
2. Cadiot J. Organiser la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'Empire de Russie et en URSS (1897–1939) // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2000. Vol. 31, iss. 3. P. 127–149. <https://doi.org/10.3406/receo.2000.3042>.
3. Патканов С.К. Разработка данных о языке в Центральном статистическом комитете // Исторический вестник. 1898. Т. LXXII. С. 985–1002.
4. Там же. С. 999.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 68. Терская область. 236 с.
6. РГВИА (Рос. гос. воен.-ист. арх.). Ф. 13454. Оп. 1. Д. 266. Л. 177, 211.
7. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 617. Л. 11–24.
8. ЦГА КБР (Центр. гос. арх. Кабард.-Балкар. Респ.). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 127. Л. 27 об., 28 ; Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об. ; Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
9. Первая всеобщая перепись ... С. 2.
10. Там же. С. 28–30.
11. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 206. Л. 116.

12. Тютюнина Е.С. Краеведческая мозаика. Статьи. Документы. Фотографии. Нальчик, 2014.
13. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. 556 с.
14. РГИА (Рос. гос. ист. арх.). Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2384. Л. 86.
15. Тульчинский И.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 152–216.
16. Прасолов Д.Н. Указ. соч. С. 55.
17. Первая всеобщая перепись ... С. 172, 176.
18. Там же.
19. Там же. С. 173, 177.
20. Там же. С. 175, 179.
21. Там же. С. 172, 176.
22. Там же. С. 175, 179.
23. Там же.
24. Народы Дагестана / отв. ред.: С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. 588 с.
25. Первая всеобщая перепись ... С. 173, 177.
26. Там же. С. XIII.

References:

- Arutyunov, SA, Osmanov, AI & Sergeeva, GA (eds.) 2002, *The peoples of Dagestan*, Moscow, 588 p., (in Russian).
- Beituganov, SN 1998, *Kabardino-Balkaria in surnames*, Nalchik, 556 p., (in Russian).
- Cadiot, J 2000, 'Organizer la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'Empire de Russie et en URSS (1897-1939)', *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, vol. 31, iss. 3, pp. 127-149. <https://doi.org/10.3406/receo.2000.3042>.
- Dzagov, RN 2015, 'The polyethnic population of Nalchik: the experience of economic adaptation and integration (19th – early 20th centuries)', *Sotsial'no-politicheskoye i kul'turnoye prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX v.: napravleniya i dinamika integratsionnykh protsessov: sb. nauch. st. po materialam region. nauch. internet-konf.*, Nalchik, pp. 164-174, (in Russian).
- Dzukanov, TA 2017, 'Entrepreneurial practices of the Nalchik District (late 19th – early 20th centuries)', *Vestnik KBIGI*, No. 4 (35), pp. 44-49, (in Russian).
- Patkanov, SK 1898, 'Development of language data in the Central Statistical Committee', *Istoricheskiy vestnik*, vol. 72, pp. 985-1002, (in Russian).
- Prasolov, DN 2016, 'Nalchik and Kabardian society in the 19th – early 20th centuries', *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, No. 3 (52), pp. 52-61, (in Russian).
- Russian Imperial Census of 1897* 1905, St. Petersburg, vol. 68, Terek region, 236 p., (in Russian).
- Soblirova, KR 2009, 'Development of the economy of Nalchik in the 19th – early 20th centuries', *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, No. 2, pp. 20-24, (in Russian).
- Tulchinsky, IP 1903, 'Five highlander societies of Kabardino-Balkaria', *Terskiy sbornik*, Vladikavkaz, iss. 5, pp. 152-216, (in Russian).
- Tyutyunina, ES 2014, *Local lore mosaic. Articles. Documents. Photo*, Nalchik, (in Russian).
- Zhansitov, OA 2016, 'Evolution of the Nalchik fortification: experience of colonization', *Vestnik KBIGI*, No. 4 (31), pp. 38-44, (in Russian).